

МИХАИЛ БЕЛОУСОВ

Мгновенность ощущения и феноменологическая редукция в гуссерлевских исследованиях проблемы времени

Нижеследующее исследование имеет своей целью критическое осмысление перехода от естественной установки к феноменологической в гуссерлевском анализе сознания времени. Центральным моментом этого перехода является, с нашей точки зрения, введение в анализ времени понятия *ощущения* и тот способ, которым последнее интерпретируется. Мы попытаемся показать, что важную роль в гуссерлевских размышлениях относительно проблемы времени играет предпосылка *мгновенности* ощущения. Тематизация этой предпосылки позволяет поставить вопрос, действительно ли переход от объективного времени к времени феноменологическому свободен от теоретических конструктов. Отталкиваясь от этого вопроса, мы попытаемся затронуть проблему значения конструктов для феноменологического исследования.

* * *

Феноменологическая редукция как *термин* впервые вводится Гуссерлем в лекциях 1907 года «Идея феноменологии», где она характеризуется прежде всего как «исключение всех трансцендентных полаганий»¹. Фактическое же введение феноменологической редукции осуществляется, однако, уже в «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени», где оно принимает форму исключения объективного времени².

В «Лекциях» Гуссерль с самого начала указывает на внутреннюю взаимосвязь, существующую между поворотом от объективного времени

¹ Husserl E. Idee der Phaenomenologie. Fuenf Vorlesungen. Haag, Martinus Nijhoff, 1950 (Hua II). S. 5.

² Husserl E. Vorlesungen zur Phaenomenologie des inneren Zeitbewusstseins. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 1985 (Hua X). S. 4 (в дальнейшем — ZB).

к феноменологическому и различием *ощущаемого* и *воспринимаемого*. Различие объективного и имманентного времени вводится как различие между воспринимаемым и ощущаемым временем. «Если, — пишет Гуссерль, — мы называемым ощущаемым феноменологическое данное, которое посредством схватывания делает осознанным объективное в живой данности, которое тогда называется объективно воспринятым, то мы также должны тогда, в том же самом смысле, различать ощущаемое временное и воспринимаемое временное»³. Воспринимаемое время отождествляется при этом с объективным временем⁴, ощущаемое — с имманентным временем потока сознания.

Таким образом, проблема ощущения оказывается центральной как в контексте гуссерлевской постановки проблемы времени, так и в плане проведения феноменологической редукции. Феноменология времени, согласно Гуссерлю, исследует ощущаемое время или ощущаемые временные данные (*Temporaldaten*), оставляя в стороне все утверждения и положения относительно воспринимаемого, или объективного, времени. При этом время не превращается в отдельный предмет феноменологического анализа, но ставится задача раскрыть время в качестве структуры интенциональности. Переход от объективного времени к анализу имманентных временных данных может поэтому рассматриваться как переход от естественной к феноменологической установке вообще⁵.

С другой стороны, в контексте постановки проблемы времени в «Лекциях» понятия ощущения и ощущаемого употребляются уже в модифицированном значении, о чем свидетельствует гуссерлевское примечание к различению ощущаемого и воспринятого времени: «„Ощущаемое“ носило бы тогда признак относительного понятия, которое в себе ничего не говорило бы о том, чувственно (*sensuell*) ли ощущаемое, является ли оно вообще имманентным в смысле чувственного; другими словами, оставалось бы открытым, сконституировано ли уже само ощущаемое, и, возможно, совершенно иначе, чем чувственное»⁶.

Из вышесказанного следует, что ощущения времени не являются все же ощущениями в обычном смысле этого слова, и даже в смысле реальных моментов интенционального переживания. Хотя Гуссерль и говорит о том, что мы должны различать ощущаемое и воспринимаемое временное «в том же смысле» (*in gleichem Sinne*), в каком мы различаем ощущаемый и воспринятый цвет (красное)⁷, тем не менее внимательное прочтение первого параграфа «Лекций» показывает, что речь идет об аналогии. Эта аналогия, однако, не является случайной. Как в случае

³ ZB. S. 7. Перевод дается по изданию: Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени / Пер. В. И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994. С. 9 (в дальнейшем — ФВ).

⁴ Ibid.

⁵ Об этом см.: Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высшая школа, 1988. С. 51.

⁶ ZB. S. 7, ФВ. С. 9.

⁷ Ibid.

восприятия красного цвета, так и в случае восприятия времени речь идет об объективирующем схватывании или предметной интерпретации ощущений. Так, в примере с восприятием красного предмета Гуссерль фиксирует двусмысленность слова «красный», заключающуюся в том, что оно означает, во-первых, ощущение красного и, во-вторых, реальное качество предмета, доступ к которому открывается лишь посредством функции схватывания (*Auffassungsfunktion*), одушевляющей или объективирующей ощущение красного⁸. Ощущение красного нельзя отождествлять с объективной окраской предмета, ведь предмет и, следовательно, его представляемая через ощущение объективная окраска может и не существовать, тогда как ощущение и в этом случае сохранится в качестве имманентного сознанию данного. Аналогичным образом осуществляется переход от временных ощущений к объективному времени: «Ощущаемые темпоральные данные не просто ощущаются, они уже несут в себе свойства схватывания, и к последним в свою очередь относятся определенные требования и полномочия: на основе ощущаемых данных измерять являющиеся времена и временные отношения друг относительно друга, так-то и так-то приводить их в объективный порядок, так-то и так-то отделять кажущиеся порядки от действительных»⁹.

Дело, таким образом, не ограничивается просто отличием ощущений времени от всех остальных. Гуссерль стремится показать, что временные ощущения представляют собой особую модификацию ощущений в «собственном» значении, то есть таких ощущений, которые не подверглись еще не только «объективирующему схватыванию», но и какой-либо интерпретативной модификации вообще. В отличие от последних, в отношении ощущений последовательности и длительности остается открытым вопрос: не сконституированы ли уже они сами или, другими словами, не представляют ли они уже результат некоторого интерпретирующего (хотя еще и не объективирующего) схватывания ощущений в первичном смысле? С нашей точки зрения, сама формулировка этого вопроса («...оставалось бы открытым, сконституировано ли уже само ощущаемое, и, возможно, совершенно иначе, чем чувственное»¹⁰) позволяет предположить, что одной из важных предпосылок гуссерлевского анализа сознания времени является все же положительный ответ, то есть признание того, что временные ощущения уже сконституированы. Речь идет о модификации *мгновенного* ощущения в ощущение *длительности* или *последовательности*. Мы попробуем теперь обосновать это, обращаясь к гуссерлевской критике психологических теорий происхождения времени.

Критикуя психологические теории происхождения времени, Гуссерль проводит важное различие между длительностью ощущения и ощущени-

⁸ Ibid. S. 6–7. ФВ. С. 8–9.

⁹ Ibid. S. 7. ФВ. С. 9.

¹⁰ Там же.

ем длительности¹¹. По Гуссерлю, психологи до Brentano тщетно пытались выявить источник представления времени, зачастую смешивая длительность ощущения, понимаемую в качестве производной от длительности внешнего раздражения (*der aussere Reiz*), с ощущением длительности. Ошибка, заключающаяся в отождествлении длительности ощущения с ощущением длительности, очевидна: если даже принять понимание ощущения как результат действия предмета на органы чувств, из длительности такого действия вытекала бы только длительность самого ощущения, но не осознание ощущения в качестве длящегося. Иными словами, непосредственно воздействующим на чувства и ощущаемым может в этом случае считаться только то, что воздействует на них в *данное мгновение*, ведь *прошлое* и *будущее* воздействие уже (или еще) не ощущается. Следовательно, даже если приписать ощущению длительность, прошедшие и будущие части этой длительности все равно не даны в ощущении, и проблема источника представления о длительности, таким образом, остается нерешенной.

Разумеется, понятие ощущения, о котором говорит Гуссерль в своей критике психологических теорий происхождения времени, смешивающих длительность ощущения с ощущением длительности, прямо противоположно тому, из которого исходит он сам. Посредством исключения объективного времени, или феноменологической редукции, мы перестаем наивно полагать существующими предметы и, соответственно, не можем более видеть в них причины ощущений. Если Brentano, усматривая источник представления о времени в фантазии, все же разделял, по Гуссерлю, общий предрассудок психологических теорий происхождения времени относительно ощущения как результата внешнего раздражения, или действия предметов на органы чувств, то феноменология времени видит в ощущении нечто подлинно внутреннее, имманентное. Данное в ощущении не является ни предметом, ни свойством предмета, ни результатом воздействия предмета на органы чувств, но только лишь самим ощущением¹².

И все же, несмотря на отказ от понимания ощущений в смысле «аффицирования чувственности», Гуссерль не отбрасывает психологический способ постановки проблемы полностью. Гуссерлевская критика психологических теорий происхождения времени и прежде всего теории Brentano не носит негативного или чисто иллюстративного характера. Она скорее является деструктивной на хайдеггеровский манер: Гуссерль пытается, исходя (в первую очередь) из Brentano-учения о времени, «получить доступ к поставленным проблемам»¹³ и выявить его «феноме-

¹¹ Ср.: Ibid. S. 12. ФВ. С. 14.

¹² Ср.: Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band. Martinus Nijhoff Publishers, Hague, Boston, Lancaster, 1984 (Hua XIX). S. 362. Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. В. И. Молчанова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 328.

¹³ ZB, S. 10. ФВ. С. 13.

нологическое ядро» (*ein phaenomenologischer Kern*)¹⁴. Из психологии в феноменологию времени в неизменном виде переходит ключевой вопрос: каким образом возможно осознание времени и длительности, если ощущения сами по себе не несут в себе никакой темпоральной определенности? Вопрос о происхождении времени и у Гуссерля, и у Brentano неявным образом смещается в сторону вопроса о некоторой продуктивной силе или спонтанности сознания (вполне аналогичной кантовской продуктивной силе воображения), *творящей* представление о времени, длительности и последовательности. *Творить* представление о времени означает привносить темпоральную определенность в сами по себе невременные, *мгновенные* (не в объективном смысле) ощущения.

У Brentano продуктивным источником представления о времени становится фантазия присоединяющаяся непосредственно к актуальному ощущению и модифицирующая предшествующие ощущения таким образом, что последние осознаются *в качестве прошедших*. Предпосылка этого описания, очевидно, заключается в том, что невозможно *ощущать* прошлое, сколь бы близким оно ни было. Это означает также невозможность ощущения длительности, сколь бы «малой» она ни была. Но что тогда остается на долю ощущения? Только настоящее, понятое совершенно абстрактно как *мгновение*, или чистый переход от прошлого к будущему, сам не имеющий никакой темпоральной протяженности. Ощущение в этом смысле мгновенно, в нем не может быть дана или представлена какая-либо длительность. Разумеется, нужно вслед за Гуссерлем различать ощущение прошедших *вещей и событий или даже самих ощущений* и ощущение (точнее, первичную память) вещей, событий или ощущений *как прошедших*. В гуссерлевской феноменологии времени предметом описания становится в основном второе. Но все это различие нисколько не затрагивает мгновенность ощущения. Если мы допустим, что *объективно* прошедшее ощущение все же сохраняется в сознании таким образом, как если бы оно тоже было актуальным, то даже в этом случае объективно прошедшее ощущение останется мгновенным. Сознанию, в котором объективно прошедшие ощущения присутствовали бы актуально, все было бы дано *мгновенно* или абсолютно одновременно, в нем не было бы никакой *ощущаемой* длительности, хотя ему и можно было бы приписать *объективную* длительность.

Гуссерль сохраняет Brentановскую постановку проблемы и, соответственно, предпосылку мгновенности ощущения. Если у Brentano источником представления о времени становятся первичные ассоциации или непосредственные представления памяти, присоединяющиеся к актуальному ощущению, то у Гуссерля время конституируется в присоединяющейся к точечному, мгновенному ощущению цепочке ретенций. Правда, в отличие от Brentano, Гуссерль отличает ретенцию как первичную память от фантазии, усматривая одно из главных упущений Brentанов-

¹⁴ Ibid. S. 15. ФВ. С. 18.

ской теории как раз в игнорировании различия между воспринимаемой и воспроизводимой в воспоминании длительностью¹⁵. Тем не менее и это различие не затрагивает мгновенность ощущения, ведь восприятие времени, по Гуссерлю, становится возможным благодаря непрерывному действию ретенции, которая как бы растягивает ощущение и позволяет перейти от восприятия в узком смысле (тождественного мгновенному ощущению) к восприятию в широком смысле (или восприятию длительности). Гуссерль пишет: «Так же как тон-фантазия есть не тон, но фантазия тона или так же как тон-фантазия и тон-ощущение есть нечто принципиально различное, а вовсе не тождественное, которое лишь интерпретируется и схватывается различным образом, точно так же первично интуитивно вспомненный тон есть нечто принципиально иное, чем воспринятый, или первичная память (ретенция) тона есть нечто иное, чем ощущение тона»¹⁶.

С другой стороны, восприятие времени в его отличии от фантазии времени характеризуется постоянной соотносительностью с ощущением, или первичным ощущением (*Urempfindung*). Восприятие *длится*, тогда как первичное ощущение *мгновенно*, оно соотносено с «теперь-точкой» длящегося объекта как идеальной границей, к которой восходит временной континуум¹⁷. Но восприятие может оставаться восприятием лишь постольку, поскольку появляются все новые и новые первичные ощущения: «Мы можем так же сказать: временной объект воспринимается (или импрессионально осознается), пока он еще производится в постоянно приходящих вновь первичных впечатлениях»¹⁸.

Сущностная сопряженность восприятия времени с первичным ощущением показывает, что в гуссерлевской феноменологии времени «живое настоящее», в котором разворачивается поток сознания как единство первичного ощущения, ретенции и протенции (первичного ожидания), может оставаться живым лишь благодаря формальному настоящему, настоящему в смысле мгновения или идеальной границы прошлого и будущего. Но может ли *идеальная граница* быть ощущаемой? Или первичное ощущение уже не является ощущением в том же смысле, в каком ощущением является, например, ощущение красного? Не сконституировано ли даже *первичное* ощущение?

Этот вопрос представляется одним из самых сложных и важных в феноменологическом анализе сознания времени. В контексте нашей проблематики нас, однако, интересует не столько ответ Гуссерля на этот вопрос, сколько предпосылки самой постановки вопроса и, соответственно, ответа на него в «Лекциях» и «Бернауских манускриптах». В гуссерлевских описаниях, непосредственно посвященных данной пробле-

¹⁵ Ср.: Ibid. S. 16. ФВ. С. 19.

¹⁶ Ibid. S. 32. ФВ. С. 36.

¹⁷ Ср.: Ibid. S. 40. ФВ. С. 43.

¹⁸ Ibid. S. 39. ФВ. С. 42.

ме, предпосылка мгновенности ощущения и основания перехода от объективного к ощущаемому времени выступают в наиболее явном виде.

В «Лекциях» позиция Гуссерля относительно сущности первичного ощущения (или первичного впечатления, *Urimpression*) является неоднозначной. Последнее характеризуется и через абсолютную спонтанность, и через абсолютную пассивность, и как нечто немодифицированное, не несущее в себе никакого схватывания и (еще) никакого смысла, и как интенциональное переживание. Наиболее богатый материал для размышления дает в этом отношении первое приложение к «Лекциям», озаглавленное «Первичное впечатление и его континуум модификаций»¹⁹. Здесь первичное ощущение раскрывается Гуссерлем во всех обозначенных выше аспектах (кроме того его аспекта, что оно является интенциональным переживанием). Относительно первичного ощущения и характера его модификаций в потоке сознания Гуссерль замечает следующее: «Модификация постоянно порождает новую модификацию. Первичное впечатление есть абсолютное начало этого порождения — первичный источник, из которого непрерывно порождается все другое. Но оно само, однако, не производится, оно возникает не как порожденное, но через *genesis spontanea*, оно есть первичное сотворение (*Urzeugung*). Оно не вырастает (у него нет зародыша), оно есть первичное творение (*Urschoepfung*)»²⁰. Далее же говорится: «Можно только сказать: сознание ничто без первичного впечатления. Где нечто длится, там переходит а в ха»²¹, ха» — в ух`а»» и т.д. Продуцирующее сознание (*Erzeugung des Bewusstseins*) идет только от а к а», от ха`к х`а»»; напротив, а, х, у не есть нечто произведенное сознанием (*Bewusstseins-Erzeugtes*), это есть первично порожденное (*Urgezeugtes*), «новое», возникшее как чуждое сознанию (*bewusstseinsfremd Gewordene*), воспринятое (*Empfangene*) по сравнению с тем, что порождено собственной спонтанностью сознания»²².

Мы сталкиваемся, таким образом, с парадоксом. С одной стороны, первичное впечатление есть нечто абсолютно спонтанное в том смысле, что оно просто появляется, оно не возникает из чего-либо ему предшествующего, у него нет ни причины, ни основания. Оно представляет собой некоторое «вдруг», не производимое ни модификациями сознания, ни (тем более) действием трансцендентного объекта на чувственность. Первичное впечатление — конечная отсылка в описании сознания. С другой стороны, оно характеризуется через абсолютную пассивность как нечто чуждое сознанию и воспринятое и противопоставляется собственной спонтанности сознания (*eigene Bewusstseins-spontaneitaet*). Абсолютная спонтанность первичного ощущения не есть спонтанность сознания в собственном смысле! Но чем тогда является собственная спонтанность сознания?

¹⁹ Ibid. S. 99–101. ФВ. С. 109–111.

²⁰ Ibid. S. 100. ФВ. С. 110.

²¹ ` обозначает ретенциальную модификацию (*Прим. Авт.*).

²² Ibid. ФВ. С. 110–111.

Ответ мы находим в том же первом приложении. Собственная спонтанность сознания определяется Гуссерлем как такая спонтанность, которая «только осуществляет рост, развертывание первично порожденного, но не создает ничего нового»²³. Иначе говоря, собственная спонтанность сознания есть спонтанность ретенциальной модификации. В более широком смысле собственная спонтанность сознания есть для Гуссерля спонтанность придания смысла и интерпретирующего схватывания ощущений. Прошлое (как только что прошедшее) и будущее (данное в первичном ожидании) могут быть восприняты благодаря смысловой модификации первичного ощущения, придающей последнему в нем самом не содержащийся *смысл* только что прошедшего или только собирающегося появиться. Иначе обстоит дело с настоящим, лишенным временной протяженности. По Гуссерлю, воспринимать, или первично ощущать, точечное настоящее не значит придавать ему смысл настоящего посредством некоторой интерпретативной модификации, которая бы превращала «чистое» ощущение в *первичное впечатление*. В отношении настоящего сознание всецело рецептивно. Подтверждение этому мы находим не только в первом приложении, но и в основном тексте «Лекций». В параграфе 42 «Импрессия и репродукция» Гуссерль, рассматривая способ воспроизведения первичных ощущений в репродуктивной памяти, пишет: «Во главе стоят здесь первичные воспоминания (как абсолютные фазы), не то, что вносится „извне“, «чуждое сознанию», первично «сотворенно-возникшее» (*Urgezeugt-Entsprungenes*), но всплывающее, повторно всплывающее, как мы могли бы сказать (по крайней мере в отношении памяти). Этот момент, хотя он сам не есть импрессия, все же, подобно импрессии, не есть продукт спонтанности, но некоторым образом есть нечто рецептивное. Можно было бы говорить здесь о пассивном принятии (*Empfaengnis*) и различать пассивное принятие, которое привносит новое, чуждое, первичное, и пассивное принятие, которое заново приносит, воспроизводит»²⁴.

Как явствует из вышесказанного, по отношению к первичному ощущению (впечатлению, импрессии) речь более не может идти о какой-либо конституирующей активности сознания. Данность первичного ощущения есть абсолютная самоданность, которая вообще не формируется посредством какого-либо схватывания или интерпретации. Однако это абсолютная самоданность без схватывания и интерпретации ограничена *мгновением*, «теперь-точкой». Настоящее же как «предмет» импрессии остается, согласно самому Гуссерлю, лишь идеальной границей, а к существу идеальной границы принадлежит то, что она не может быть дана *сама по себе*. То же, следовательно, следует сказать и об импрессии, что неоднократно и делает Гуссерль²⁵.

²³ Ibid. ФВ. С. 111.

²⁴ Ibid. S. 88. ФВ. С. 93.

²⁵ Ср.: Ibid. S. 27, 40. ФВ. С. 30, 44.

Большие трудности связаны и с прояснением того, каков характер *рецептивности* первичного ощущения. Если исходить из принципа интенциональности, то рецептивность должна быть рецептивностью по отношению к *чему-то*. Но по отношению к чему сознание может быть рецептивным в первичном ощущении? Является ли это нечто в качестве «чуждого сознанию» некоторым «не-сознанием», трансцендентной вещью? Или чуждость и пассивное принятие суть лишь метафоры? Ясно, что речь не может идти о прямом и непосредственном аффицировании сознания объектами (такое аффицирование исключено посредством редукции). Речь должна идти как минимум о *сознании самого себя в качестве аффицированного чем-то*, то есть опять-таки уже о некотором «акте» придания смысла. Но такое сознание предполагает объективирующую интенциональность и объективирующее схватывание, которых нет в первичном ощущении.

Гуссерль, правда, характеризует (в приложении VIII) все фазы сознания, конституирующего время, в качестве интенциональных переживаний²⁶. Предметом фаз являются «временные точки и временные длительности с их соответствующей предметной полнотой»²⁷. Первичное ощущение, таким образом, тоже есть интенциональное переживание, ведь начальная фаза восприятия временного объекта — это чистая импрессия, которой не предшествует никакое первичное ожидание и которая еще не удержана в какой-либо первичной памяти²⁸. Но тогда сама процедура перехода к ощущаемому времени оказывается под вопросом, так как становится неясным, в каком смысле можно говорить об ощущаемом времени, если фазы темпорально-конститутивного потока представляют собой уже интенциональные переживания, а не ощущения.

В этом клубке парадоксов и противоречий можно видеть проблемное основание тех новаций, которые имеют место в гуссерлевском истолковании проблемы времени в «Бернауских манускриптах» по сравнению с «Лекциями». Главная из них заключается в снятии проблемы аффицирования, или рецептивности первичного ощущения, посредством демонстрации того обстоятельства, что первичное ощущение всегда получает смысловую определенность благодаря предшествующей ему интенциональности первичного ожидания. Если в «Лекциях» Гуссерль показывает *внезапность* первичного ощущения, основанную на его абсолютной спонтанности, то в «Бернауских манускриптах» на первый план выходит нечто прямо противоположное: первичное ощущение раскрывается в качестве *всегда ожидаемого* и потому всегда уже *схваченного и интерпретированного*. Простое ощущение не есть первичное ощущение, оно *превращается* в первичное ощущение благодаря протенции: «Появление всегда нового первичного данного означает, однако, не просто чистое появление этого

²⁶ Ibid. S. 117. ФВ. С. 136.

²⁷ Ibid. ФВ. С. 136.

²⁸ Ср.: Ibid. S. 119. ФВ. С. 139.

данного, но к существу процесса, который необходимо является конституирующим время, равным образом принадлежит то, что в нем с необходимостью имеет место подготовительная интенциональность; поскольку тон звучит... протенция направляется на приходящее и представляет его как осуществление (*Erfüllung*), следовательно, интенционально [его] формирует»²⁹. Появление первичной импресии есть, таким образом, переход от пустой интенции (еще не осуществленной протенции) к ее созерцательному осуществлению. Именно как «осуществляющая» протенцию первичная импресия является причастной к «собственной спонтанности» сознания: «Каждое первично данное есть поэтому не только содержание, но „схваченное“ содержание. Первичное впечатление есть, следовательно, осуществленное ожидание»³⁰.

Выдвижение на первый план проективной интенциональности протенции влечет за собой жесткое разграничение переживаний времени и потока чистых ощущений. Добытое посредством редукции ощущаемое время окончательно превращается в метафору. Впервые в «Бернауских рукописях» многообразие гилетических данных интерпретируется как *поток*. Этот поток рассматривается Гуссерлем как нечто, во-первых, предшествующее всякому конституированию и, во-вторых, вневременное. Конституирование времени описывается в «Бернауских манускриптах» как акт поворота внимания к гилетическому «перво-процессу» (*Ur-prozess*)³¹.

В потоке ощущений нет не только времени, но даже квазивременности (которая в «Лекциях» была приписана темпорально-конститутивному потоку). Поток ощущений сам по себе и не нуждается во времени как принципе *единства или порядка*. Лишь в интенциональной связи, в связи с поворотом к предметности в самом широком смысле возникает имманентное время в качестве условия единства предмета и самого переживания. Время и временные объекты возможны лишь во «вторичной чувственности» (*sekundäre Sinnlichkeit*)³². Вещи сами по себе не аффицируют сознание, его аффицируют лишь «продукты» его собственной конститутивной активности. Тогда место аффицирования занимает самоаффицирование, место рецептивности – спонтанная рецептивность. Спонтанность поворота внимания к «перво-процессу» описывается через протенцию, выделяющую приходящие ощущения из потока. Это должно касаться и того ощущения, с которого «начинается» восприятие некоторой последовательности и которому, следовательно, не предшествует никакое ожидание. Но опознать начало *как начало* можно лишь предвосхищая продолжение, таким образом, даже «первое» первичное ощущение

²⁹ Husserl E. Die Bernauer Manuskripte über das Zeitbewusstsein (1917/1918). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2001 (Hua XXXIII). S. 7.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. S. 248.

³² Ibid.

ние должно быть возможно лишь в единстве с протенцией. Ощущения, принадлежащие «перво-процессу», оказываются своего рода первичными ощущениями *в возможности*, их *действительность* в качестве первичных ощущений оказывается целиком зависимой от поворота внимания.

Гуссерлевское описание сознания времени в «Бернауских манускриптах» все же не решает обозначенных выше проблем, но, скорее, отодвигает их на более глубокий уровень. Проблема аффицирования сохраняется постольку, поскольку протенция не способна созерцательно осуществить себя саму, то есть в отношении осуществления или неосуществления сознание снова оказывается всецело рецептивно. Но самое важное для нас заключается в том, что и в «Бернауских манускриптах» сохраняется предпосылка мгновенности ощущения. Гуссерль демонстрирует различие ощущения и импресии через отсылку к протенции, и это, казалось бы, ведет к тому, что мгновенное ощущение перестает быть исходным пунктом восприятия длительности и постановки проблемы времени. Тем не менее прояснение интенционального статуса импресии ведется окольным путем посредством отсылки к интенциональности протенции. Его предпосылкой поэтому парадоксальным образом остается отрицание за первичным ощущением специфической, принадлежащий именно последнему интенциональности, то есть отождествление импресии и мгновенного ощущения.

Мгновенное ощущение есть, несомненно, теоретический конструкт, определяющий способ осуществления феноменологической рефлексии в гуссерлевском анализе времени. Если исходить из действительного опыта, едва ли возможными окажутся не только беспредметные, но и мгновенные ощущения. Подобно тому как не существует чистого ощущения красного, но лишь ощущение красного предмета (или как минимум красной поверхности), так и не существует ощущения «теперь-точки», не соотношенного с длящейся предметностью. Но ощущение, в котором было бы дано лишенное временной протяженности мгновение, на наш взгляд, не только не может быть выделено в чистом виде, но и не может быть представлено в качестве самостоятельного момента (что, вероятно, еще возможно применительно к ощущению цвета, звука и т. п.). Некоторые длительности настолько «малы», что не могут стать предметом ощущения. Разумеется, рассуждая подобным образом, мы покидаем феноменологическую установку, предполагая существование длящихся предметов, обуславливающих ощущения, но все же нельзя отрицать, что ощущению присуща не только объективная, «внешняя» временность, но и внутренняя, имманентная.

От простой констатации того, что мгновенное ощущение есть конструкт, еще далеко, конечно, до ответа на вопрос, есть ли конструкты вообще лишь следствие недостаточно радикального осуществления рефлексии феноменологом или они имеют «трансцендентальный», необходимый характер. Более адекватным описанием положения дел нам представляется второе. Трансцендентальный и феноменологический

вопрос о возможности чего-то некоторым образом предполагает, что то, о возможности чего спрашивается, *не должно было бы* (если быть последовательным в проведении некоего «естественного» взгляда на вещи) быть возможным. Тем не менее, исходя из этого *не должно было бы* конструироваться в не просто действительный, но даже первичный опыт или, говоря более осторожно, слой опыта. Например, восприятие прошлого и времени не должно было быть возможным, ведь восприятие должно быть ограничено настоящим. Последовательное проведение этого естественного взгляда приводит к ограничению поля восприятия лишенным временной протяженности мгновением. Феноменология времени преодолевает этот взгляд, выявляя возможность восприятия времени. Однако при этом сохраняется основная предпосылка доведенного до своих предельных следствий естественного видения вещей: отождествление первичного слоя опыта с мгновенным ощущением, или, выражаясь языком Гуссерля, с импрессией. Иначе говоря, необходимо связанное с вопросом «Как возможно?» «не должно было быть возможно» является, по нашему мнению, источником конструкторов и иллюзий в феноменологии. Только направленность этих иллюзий является противоположной той, которая характерна для трансцендентальной видимости в кантовском смысле. Они не восходят от предметов опыта к предметам, не данным в опыте, но нисходят от предметов к первичному потоку мгновенных ощущений, в котором еще нет предметов и нет никакого времени.